

Двери лифта бесшумно сомкнулись за их спинами, навсегда отрезав его от привычного мира.

Щёлк.

Тихий звук защёлкивающегося замка эхом разнёсся по пустому пространству.

Гу Ечэнь катил инвалидное кресло вперёд. Резиновые шины скользили по зеркально-гладкому каменному полу, не издавая ни звука — лишь ощущалось плавное, пугающее сопротивление движению.

Это место было слишком огромным. Настолько просторным, что казалось ненастоящим.

Су Янь сидел в кресле, пассивно позволяя везти себя сквозь эту необъятную тьму. У него не было сил разглядывать очертания лаконичной, но баснословно дорогой мебели — все чувства поглотила эта всеобъемлющая тишина.

Перед глазами была лишь сплошная стена панорамного остекления. За стеклом раскинулся ночной город: бесчисленные огни сливались в мерцающую реку, расстилавшуюся прямо у его ног.

Возникало странное ощущение парения над миром.

Красиво. И холодно.

Гу Ечэнь въёз его в гостиную, а затем в коридор, столь же просторный, как и остальные помещения. В самом конце виднелась дверь.

Он толкнул её.

Внутри автоматически зажёгся свет — мягкий, тёплый, желтоватый, но он лишь подчеркнул, что в этой комнате жизни ещё меньше, чем в больничной палате.

Посреди спальни стояла огромная кровать, застеленная ослепительно белым бельём, на котором не было ни единой складки. Напротив, за открытой дверью, располагалась гардеробная. Рядами висела новенькая одежда — рубашки, брюки, пиджаки — всё было рассортировано по цветовой гамме, ярлыки ещё не были срезаны.

Всё было готово для него.

Роскошная клетка для заключённого.

Гу Ечэнь подкатил кресло к кровати, остановился, отпустил рукоятки и направился в ванную

комнату. Через несколько секунд оттуда донёлся шум воды.

Су Янь сидел неподвижно. Он смотрел на новые вещи, на эту необъятную кровать, и чувство чудовищного абсурда охватило его. На нём всё ещё был тот самый пыльный, изорванный костюм со съёмочной площадки, который совершенно не вписывался в эту обстановку.

Шум воды в ванной стих.

Гу Ечэнь вышел.

— Иди умывайся, — произнёс он, обращаясь к Су Яню.

Су Янь поднял на него взгляд.

— У меня нога в гипсе, — констатировал он факт.

— Знаю, — невозмутимо ответил Гу Ечэнь.

Он подошёл к Су Яню и наклонился. Су Янь машинально подался назад, и спина врезалась в обивку кресла.

Гу Ечэнь протянул руку — не для того, чтобы коснуться его, а чтобы расстегнуть первую пуговицу на поношенной рубашке, обычную грубую пластиковую пуговицу.

Пальцы его были холодными, движения — лишёнными всяких эмоций, словно он разбирает какой-то механизм.

Су Янь резко схватил его за запястье.

— Я сам, — его голос прозвучал хрипло.

Гу Ечэнь замер. Он опустил взгляд на руку, сжимавшую его запястье, — тонкое, с побелевшими от напряжения костяшками.

Гу Ечэнь не стал вырываться, позволив Су Яню держать себя. Воздух словно застыл.

Спустя несколько секунд Су Янь ощутил унижение. Его сопротивление перед этим человеком казалось детской игрой — бессильной и нелепой.

Он медленно разжал пальцы.

Гу Ечэнь убрал руку и выпрямился.

— Даю пять минут, — сказал он, развернулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Дверь осталась незапертой, он лишь слегка притворил её.

Су Янь сидел в кресле, слушая удаляющиеся шаги, один в этой огромной комнате.

Он опустил голову, глядя на свою одежду, на левую ногу, закованную в гипс.

Как в абсолютно незнакомом месте, будучи беспомощным, выполнить простую команду «умыться»?

Он упёрся руками в подлокотники, пытаясь встать. Правая нога коснулась пола, но вес тела и тяжесть гипса на левой ноге лишили его равновесия. Он беспомощно рухнул обратно в кресло, на лбу выступил холодный пот.

Он оказался в ловушке. Он смотрел в сторону открытой ванной комнаты, откуда клубился пар, а зеркало затянуло водяным налётом.

Он развернул кресло и въехал внутрь.

Ванная была пугающе просторной. Душевая кабина была отделена стеклянной дверью, на которой висел новенький халат, а на полке рядом лежали аккуратно сложенные полотенца.

Он посмотрел на высокую душевую лейку, на скользкий пол — и чувство бессилия накрыло его с головой.

Он не справится.

Это было унижение — тихое, дающее ясно понять, в каком положении он оказался.

Он не стал пытаться. Просто сидел в кресле, тихо дожидаясь.

Через пять минут дверь вовремя открылась, и вошёл Гу Ечэнь.

Он увидел, что Су Янь всё ещё в своей прежней одежде, так же сидит в кресле, только переместился из спальни в ванную.

Он не сказал ни слова.

Подошёл к Су Яню и снова наклонился.

На этот раз Су Янь не сопротивлялся.

Пальцы Гу Ечэня пуговица за пуговицей расстегнули его рубашку. Ветхая ткань разошлась, обнажив бледную, худую грудь.

Затем брюки.

Движения Гу Ечэня оставались безупречными. Он расстегнул молнию, стянул пропитанные пылью штаны, стараясь не задеть загипсованную ногу, и осторожно высвободил правую штанину.

Су Янь закрыл глаза, чувствуя, как холодный воздух касается кожи.

Он сидел обнажённым в инвалидном кресле — жертва, ожидающая приговора.

Затем его подняли.

Руки Гу Ечэня, подхватившие его под колени и спину, без труда оторвали от сиденья. Кожа Су Яня соприкоснулась с холодной тканью дорогой рубашки Гу Ечэня.

Его внесли в душевую кабину и посадили на водостойкий табурет.

— Будешь сам или мне помочь? — голос Гу Ечэня донёлся сверху.

Су Янь открыл глаза.

Пар затуманил взгляд, лишь размытый силуэт Гу Ечэня — высокий, безмолвный, словно скала — маячил перед ним.

Он протянул руку и взял душевую лейку с полки.

Гу Ечэнь отступил на шаг и закрыл стеклянную дверь. Он не ушёл, остался стоять снаружи, наблюдая за ним сквозь матовое стекло.

Су Янь превратился в заключённого под надзором.

Он включил воду. Тёплый поток омывал тело. Он мылся наспех, лишь бы поскорее закончить, не смея взглянуть на неясную тень за стеклом.

Когда всё было кончено, он выключил воду. Стеклянная дверь отворилась, и Гу Ечэнь протянул ему мягкий халат.

Су Янь принял его и закутался.

Затем его снова подняли, перенесли к умывальнику и опустили обратно в кресло.

Гу Ечэнь достал фен, включил его в сеть, и тёплый воздух ударил в волосы.

Пальцы Гу Ечэня зарылись в его волосы — движения были мягкими, но в них чувствовалась властная, непререкаемая сила контроля.

Су Янь сидел, вытянувшись в струнку. От макушки до пят он был во власти этого человека.

Когда волосы высохли, его вывезли из ванной к кровати.

Там лежала новая пижама — не привычные ему футболка и шорты, а шёлковая, холодная и гладкая на ощупь.

Его уложили на кровать.

Гу Ечэнь надел на него пижаму, работая так ловко, словно одевал куклу. Холодный шёлк скользил по коже, вызывая странные, неприятные ощущения.

Его устроили поудобнее, бережно приподняв загипсованную ногу.

Закончив, Гу Ечэнь выпрямился.

Он взял с прикроватной тумбочки новый, нераспечатанный телефон, снял упаковку и вложил аппарат в руку Су Яня.

— Твой новый номер, — сказал он. — Там записан только один контакт.

Су Янь опустил взгляд на холодный металлический предмет.

Его новый ошейник.

Гу Ечэнь больше не произнёс ни слова. Развернулся, вышел из комнаты и тихо закрыл дверь.

Щёлк.

На этот раз это был звук запирающегося замка.

Су Янь лежал на огромной кровати, окружённый мягкими простынями. В комнате царила тишина, лишь едва слышно работал кондиционер.

Он повернул голову к панорамному окну.

За окном сиял огнями весь город.

Он был заточён на вершине этого города.

Су Янь поднял руку, глядя на новый телефон в своей ладони, а затем перевёл взгляд на тяжёлый белый гипс на ноге.

Он проиграл.

Проиграл в пух и прах.

<http://bllate.org/book/21842/2264541>